

ББК 67.410.213.1

Т.В. Якушева

Злоупотребление процессуальными правами в судебном следствии

T.V. Yakusheva

Abuses of Procedural Rights in the Court Investigation

Статья посвящена вопросам злоупотребления в сфере уголовного процесса, которое наносит существенный ущерб основным правам и свободам человека, гарантированным международным правом, Конституцией РФ и УПК РФ. Использование судебной практики позволило раскрыть формы злоупотребления правом в судебном производстве по уголовным делам, которые нарушают соотношение интересов справедливого правосудия и защищенности личности в пользу одной из сторон судебного процесса.

Ключевые слова: злоупотребление правом, общеправовой принцип, судебное следствие, соотношение интересов, справедливое правосудие.

Любые злоупотребления и системные недостатки в сфере уголовного правосудия наносят наибольший ущерб основным правам и свободам человека, гарантированным международным правом и российской конституцией: на жизнь и физическую целостность, на собственность, на неприкосновенность частной жизни, на доступ к правосудию и на защиту.

Уголовно-процессуальное законодательство России не предъявляет к негосударственным участникам судопроизводства, включая сторону защиты, требования добросовестно использовать процессуальные права. Напротив, деятельность следователя, дознавателя, суда, ведущих уголовный процесс, ограничивается запретом злоупотребления властью (ст. 18, 45, 52 Конституции РФ, ст. 6, 11, 16 УПК РФ, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г.) [1].

Так, например, ч. 3 ст. 17 Конституции РФ предписывает, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Как указано в комментарии к Конституции РФ, соблюдение данного принципа необходимо для того, чтобы обеспечить законные интересы людей и предотвратить возможное ущемление их прав и свобод в результате злоупотребления ими со стороны отдельных лиц [2, с. 124].

Ученые, обосновывая противоправный характер злоупотребления правом в уголовном процессе, указывают, что запрет злоупотребления правом является

The article is devoted to the questions of abuses in the sphere of criminal process, guaranteed by the International law, Constitution of the Russian Federation and Criminal Procedural Code of the Russian Federation. The usage of court practice permitted to discover forms of the abuses of law in court procedure on criminal cases which violate the correlation of interests of fair justice and person protection to one part of court procedure.

Key words: abuses of law, principle of common law, court investigation, correlation of interests, fair justice.

общеправовым принципом и распространяется на все его отрасли, в том числе и уголовно-процессуальное право (см.: [3, с. 52 и др.]). В подтверждение этому ссылаются на ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которой, как уже было указано, «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Однако в рамках публичного по своей природе уголовного процесса, где другая сторона, как правило, представлена осуществляющим публичную власть должностным лицом, гражданско-правовые критерии недобросовестности субъектов неприемлемы. Требования ч. 3 ст. 17 Конституции РФ могут быть распространены на уголовно-процессуальные отношения лишь в том смысле, что подозреваемый (обвиняемый) и потерпевший должны быть равноправны как стороны. При этом подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) справедливо наделяется целым рядом недоступных потерпевшему возможностей, поскольку, в отличие от последнего, подвергается уголовному преследованию, претерпевает процессуальное принуждение.

Вопрос о том, что следует понимать под злоупотреблением правом в российской науке, остается дискуссионным.

Теория злоупотребления правом была сформулирована на опыте применения гражданско-правовых норм. В уголовно-процессуальном законе нет нормы, аналогичной ст. 10 ГК РФ, которая не допускает действий, осуществляемых «исключительно с на-

мерением причинить вред другому лицу», а равно «злоупотребление правом в иных формах».

Согласно ч. 1 ст. 35 ГПК РФ и ч. 2 ст. 41 АПК РФ участвующие в гражданском или арбитражном процессе лица обязаны добросовестно пользоваться принадлежащими им процессуальными правами. Злоупотребление указанными правами влечет предусмотренные законом последствия: возможность взыскания компенсации за потерю времени (ст. 99 ГПК РФ), возможность отнесения судебных расходов на лицо, злоупотребляющее своими процессуальными правами (ст. 111 АПК РФ), и др.

Конституционный Суд РФ относит требование «недопустимости злоупотребления правом» к числу общеправовых (определение от 14 декабря 2004 г. №384-О) [4] и считает «добросовестное пользование процессуальными правами важнейшим условием реализации конституционных принципов судопроизводства, осуществляемого «на основе состязательности и равноправия сторон» (определение от 14 декабря 2000 г. №269-О) [5]. Данная правовая позиция используется при разрешении Конституционным Судом РФ обращений участников уголовного судопроизводства. Так, в определении от 20 июня 2006 г. №243-О [6] об отказе в принятии к рассмотрению жалобы обвиняемого М.В. Череповского, желавшего общаться с судом на цыганском языке, Конституционный Суд подчеркнул: «...органы предварительного расследования, прокурор и суд своими мотивированными решениями вправе отклонить ходатайство..., если материалами дела будет подтверждаться, что такое ходатайство явилось результатом злоупотребления правом».

Не подвергая сомнению существование общеправового запрета злоупотребления правом, мы не можем согласиться с предложениями С. Гордейчик закрепить «в уголовно-процессуальном законе систему санкций за злоупотребление правом: от права суда отказать в осуществлении стороне определенных действий до штрафа» [7, с. 8].

Европейская конвенция по правам человека осуждает возможность злоупотребления правом. В соответствии с п. 3 ст. 35 Европейской Конвенции, Европейский Суд по правам человека объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, если сочтет ее злоупотреблением правом подачи жалобы, т.е. жалобой не для защиты прав, предусмотренных Конвенцией и Протоколами к ней, а в целях пропаганды, обретения известности, оскорбления государства-ответчика [8, с. 87].

Советское законодательство вместо термина «злоупотребление правом» использовало понятие «осуществление права в противоречии с его назначением» (ст. 5 Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик 1961 г.).

В современный период использование субъективного права в противоречии с его назначением связы-

вается с понятием «злоупотребление правом». При этом, поскольку единства во взглядах на сущность злоупотребления правом нет, осуществление права в противоречии с его назначением рассматривается как одна из форм злоупотребления правом или выдвигается как ключевая составляющая содержания данного понятия.

Термином «злоупотребление» предварительно обозначают «применение формально не запрещенных действующим законодательством методов и практик, которые нарушают баланс интересов справедливого правосудия и защищенности личности в пользу одной из сторон досудебного и/или судебного процесса».

Под формами злоупотребления правом, представляется, следует понимать действия (бездействия), которые формально соответствуют закону, но вступают в противоречие с назначением и принципами уголовного процесса и которые нарушают соотношение интересов справедливого правосудия и защищенности личности в пользу одной из сторон. Так, формой злоупотребления правом можно назвать случаи, когда председательствующий не уделяет должного внимания соблюдению уголовно-процессуальных требований одной из сторон в случае нарушения ею уголовно-процессуального закона и не принимает должных мер для устранения данных нарушений.

Например, судом присяжных Ставропольского краевого суда гражданин Т. оправдан на основании оправдательного вердикта коллегии присяжных. В кассационном представлении государственный обвинитель указал, что в ходе судебного разбирательства председательствующим не пресекались высказывания и действия адвоката Т., противоречащие закону, что оказало влияние на формирование мнения присяжных заседателей при вынесении ими вердикта.

Незаконное влияние защитника на присяжных привело к тому, что при его выступлении присяжный заседатель К. кивала в знак одобрения головой и высказалась в поддержку его точки зрения. Считая недопустимым подобное поведение, государственный обвинитель заявил ходатайство о замене этого присяжного заседателя, однако оно не было удовлетворено председательствующим. Верховный Суд РФ приговор отменил, указав следующее: «Несмотря на неоднократные, систематические нарушения адвокатом требований уголовно-процессуального закона, председательствующий не принял всех необходимых мер, в частности предусмотренных ч. 2 ст. 258 УПК РФ, для обеспечения порядка в судебном заседании, ограничиваясь каждый раз замечаниями в адрес адвоката. В напутственном слове председательствующий не напомнил присяжным заседателям обо всех противоречащих закону действиях и высказываниях адвоката. Поэтому приговор не может быть признан законным» [9].

Например, судом присяжных Алтайского краевого суда гражданин З. оправдан на основании вердикта коллегии присяжных [10]. В кассационном представлении государственный обвинитель отмечает, что защитник в прениях сослался на не исследованные в суде доказательства, исказив, к тому же, содержание протокола дополнительного осмотра места происшествия, с целью опорочить явку с повинной З. обращается внимание в кассационном протесте и на неясность вердикта, связанного с обвинением по ст. 222 ч. 188 ч. 2 УК РФ.

Председательствующий судья, в соответствии со ст. 447, 451 УПК РСФСР, не только обязан остановить участника процесса, делающего такие заявления и ссылки на неисследованные доказательства, но и обязан разъяснить присяжным заседателям, что их вердикт может быть основан только на тех доказательствах, которые были непосредственно исследованы в судебном заседании. Положения названного закона председательствующим судьей в полном объеме не выполнены. В этой связи председательствующий ограничился лишь замечаниями в адрес З., не остановил защитника, когда тот делал указанные выше заявления, и не сделал соответствующих разъяснений присяжным заседателям.

Перечисленные выше нарушения уголовно-процессуального закона кассационная палата рассматривает как существенные, влекущие, в силу ст. 465 УПК РСФСР, отмену приговора [11].

Характерно, что законодательство об адвокатуре обязывает адвоката (защитника, представителя) добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя (п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. №63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [12], п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее – Кодекса [13]), не причинять без надобности вреда другим подсудимым (п. 3 ст. 13 Кодекса). По отношению же к органам, ведущим уголовный процесс, правомерность деятельности адвоката определяется законностью избираемых им средств отстаивания интересов доверителя. Лишь на этапе принятия поручения (но не поручения на защиту по назначению) адвокат может отказаться от ведения уголовного дела ввиду возникших у него сомнений в «возможности разумно и добросовестно его поддерживать» (п. 1 ст. 7 Кодекса). Данный вывод подтверждается практикой дисциплинарного преследования адвокатов в регионах России. Так, например, квалификационные комиссии адвокатских палат неоднократно давали заключение об отсутствии признаков дисциплинарного проступка в поведении адвокатов, отказывающихся под влиянием подзащитных или по другим из-

вестным им соображениям подписывать протоколы следственных действий, знакомиться с материалами дела, а также передавать обвиняемым от следователя повестки, другие документы и информацию. Хотя эти действия затрудняли работу органов предварительного расследования и затягивали процесс, они не считались недобросовестными.

Не могут рассматриваться как злоупотребление правом повторные обращения сторон с ходатайствами и жалобами (особенно с надзорными жалобами).

Однако многократное заявление отводов суду под надуманными предлогами, не предусмотренными законом, либо по основанию, уже отклоненному судом, рассматривалось квалификационными комиссиями адвокатских палат как форма неуважения к суду, злоупотребления процессуальным правом.

Полагаем, что в процессуальном смысле добросовестность негосударственных участников уголовного судопроизводства определяется законностью используемых ими средств. Неподчинение распоряжениям председательствующего судьи, неявка без уважительных причин по вызовам, упоминание в речах и репликах неисследованных доказательств или обстоятельств, иные подобные действия выступают не формой злоупотребления правом, а разновидностью нарушения закона.

Негативные последствия использования участниками уголовного судопроизводства средств отстаивания своих интересов возможны, но их наступление для производства по уголовному делу либо, например, для потерпевшего само по себе не доказывает недобросовестности соответствующих субъектов, однако может порождать ответную реакцию суда в виде разумного ограничения определенных действий (см., например, ч. 3 ст. 217 УПК РФ). Ограничения эти должны предусматриваться законодателем, который вправе «использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные целями меры» [14], причем «он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания» [15]. Установленные законодателем ограничения, сводящие на нет негативные последствия использования участником уголовного судопроизводства своего права, могут применяться следователем, дознавателем, судом не произвольно, но с учетом необходимости обеспечить соотношение между интересами правосудия, сторон обвинения и защиты. При этом разумность действия и добросовестность участников уголовного судопроизводства при использовании ими своих процессуальных прав должны предполагаться в силу общеправовой презумпции человеческой добропорядочности.

Библиографический список

1. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 г. [Электронный ресурс]. – URL: Информационно-правовая система «Консультант-Плюс».
2. Конституция РФ. Комментарий / под ред. Б.Н. Топарина, Ю.М. Батурина, В.Г. Орехова. – М., 1997.
3. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве. – СПб., 2005.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. №384-О [Электронный ресурс]. – URL: Информационно-правовая система «Консультант-Плюс».
5. Определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2000 г. №269-О [Электронный ресурс]. – URL: Информационно-правовая система «Консультант-Плюс».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 20 июня 2006 г. №243-О [Электронный ресурс]. – URL: Информационно-правовая система «Консультант-Плюс».
7. Гордейчик С. Злоупотребление правом на защиту // Законность. – 2006. – №12.
8. Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция по правам человека и Европейская социальная хартия: право и практика. – М., 1998.
9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 4 февраля 2004 г. №19-О 046 (извлечения) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – №1.
10. Архив Алтайского краевого суда. – 2002. – Д. 2-48.
11. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.02.2002 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2002. – №2.
12. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ с изменениями от 23.07.2009 [Электронный ресурс]. – URL: Информационно-правовая система «Консультант-Плюс».
13. Кодекс профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс]. – URL: Информационно-правовая система «Консультант-Плюс».
14. Постановление Конституционного Суда РФ от 13 июня 1996 г. №14П [Электронный ресурс]. – URL: Информационно-правовая система «Консультант-Плюс».
15. Постановление Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2005 г. [Электронный ресурс]. – URL: Информационно-правовая система «Консультант-Плюс».